

Лян Чунь с завистью смотрела на новые наряды сестёр из семьи Лян, стараясь при этом спрятаться в толпе. Она чувствовала, что само то, что ей удалось подружиться с Лян Сысы и её сестрой, уже исчерпало всю её удачу в этой жизни. Увидев, как Лян Тин оглядывается, словно ищет её, она поспешила раствориться в толпе. Её присутствие было едва заметным, а с наступлением сумерек никто и вовсе не обратил на неё внимания.

Она слушала, как её двоюродные сёстры шепотом отпускают злые, завистливые слова, и чувствовала грусть. Когда они называли сестёр Лян маленькими соблазнительницами, она невольно подняла на них взгляд.

— Что уставилась, никчёмная дрянь? Ещё раз посмотришь — выколю тебе глаза! — Её третья двоюродная сестра, как две капли воды похожая на свою мать, выпалила с грязным ругательством.

— А ты, подружка, почему не со своими «подружками»? — В глазах четвёртой двоюродной сестры сверкала злоба. Лян Чунь знала, что они снова собираются выместить на ней свою беспричинную злость, рождённую завистью.

— Называть её подружкой — это уже слишком. Что она вообще из себя представляет? — Третья двоюродная сестра бросила на неё косой взгляд, словно даже прямой взгляд мог запятнать её глаза. — Дурочка, не вздумай за них заступаться. Они просто используют тебя как фон, ты что, действительно думаешь, что ты им интересна?

Лян Чунь слушала их язвительные насмешки оцепенело. Ей хотелось броситься на них, избить и закопать в снег, чтобы вымыть их грязные рты... Но она не смела. Она была никем, маленькой несчастной, которую никто не хотел. Мать сбежала с другим, отец игнорировал её, дедушка и бабушка презирали, и каждый в доме мог её обидеть. В зимние холода у неё была лишь одна одежда, похожая на мешковину, и она набила её соломой, но всё равно было холодно. Она знала, что сёстры Лян были добрыми, они не презирали её, подкармливали картошкой, когда она голодала, давали горячую воду, чтобы согреть руки и ноги, мазали её потрескавшуюся от холода кожу кремом «Снежинка». Даже её тёплую одежду они собрали для неё вдвоём.

Она хотела яростно заступиться за Лян Сысы и Лян Тин, предупредить их, чтобы они не болтали глупостей, но... она была беспомощна. Она боялась. Она сжала пальцы ног, холодный ветер проникал через дыры в её обуви. Она боялась, что её выгонят. Она стиснула сухие губы, ощущая металлический привкус крови во рту. Лян Чунь, не плачь, не плачь.

К счастью, вскоре все двинулись в путь, и Лян Чунь с облегчением вздохнула. Она несла на руках младшего двоюродного брата, который ещё не умел ходить, и машинально шагала вперёд. Мальчик был нелёгким, но она привыкла к тяжёлой работе, и держать его было не так уж сложно. К тому же он был тепло одет, что немного защищало её от ветра и согревало. Однако это утешение длилось недолго. Её тётя подошла, сказав, что не хочет её утруждать, но на самом деле ей самой было холодно, и она хотела согреться, держа ребёнка на руках. Что Лян Чунь могла возразить?

Она опустила голову, услышав презрительные фырканы своих двоюродных сестёр, но продолжала идти, покорно смотря вниз. Внезапно её руку коснулось что-то тёплое и мягкое. Подняв голову, она увидела в свете факелов двух девушек, чья красота казалась неземной. Они улыбались ей, и их улыбки словно могли растопить весь окружающий снег.

— Я поговорила с твоей бабушкой, сегодня вечером будем вместе! — Голос Лян Сысы звучал

немного нереально.

Лян Чунь кивнула и покорно позволила Лян Сысы увести себя.

— Где ты была? Я тебя долго искала! — Лян Тин тоже взяла её за руку, её голос звучал то ли с упрёком, то ли с игривой жалобой.

Лян Чунь молчала. Она чувствовала себя грязной. На самом деле она не сильно отличалась от своих двоюродных сестёр, даже была хуже. По крайней мере, их злоба была открытой, а её зависть таилась в глубине души. Иногда она думала, почему, будучи девочками, они могли наслаждаться любовью, а она была обречена жить в тени? Почему они могли быть счастливыми, а она не получала даже капли заботы? Что она сделала не так? Она изо всех сил старалась выполнять всю работу, которую могла, угождала всей семье, жила в унижении, а они могли наслаждаться жизнью, ничего не делая.

Лян Чунь знала, что её мысли ужасны, и она старалась подавить их. Она не хотела, чтобы эти мерзкие мысли развивались, но иногда, в тишине ночи, они снова всплывали, заставляя её задумываться. Почему Лян Сысы и Лян Тин хотели дружить с такой незаметной и жалкой, как она? Чаще всего она убеждала себя, что они просто добрые и отзывчивые, но иногда сомнения брали верх. Окружающие твердили ей, что они просто ищут фон, чтобы подчеркнуть свою красоту, хотят видеть её жалкой.

Она чувствовала себя ужасно из-за таких мыслей, боялась их, плакала, но как бы ни старалась, не могла избавиться от этой низости.

Лян Сысы сняла с шеи шарф, и холодный ветер мгновенно обжог её кожу. Она быстро обернула шарф вокруг тонкой шеи Лян Чунь.

— Сестра Сысы, носи сама, мне не холодно, — тихо сказала Лян Чунь, её голос дрожал, но она старалась скрыть это.

Лян Чунь была всего на месяц младше Лян Тин, но её рост едва превышал рост Лян Цзию. Рядом с Лян Сысы и Лян Тин она выглядела худой, маленькой и жалкой.

— Ничего, я одета тепло, — Лян Сысы носила тёплую одежду, поверх которой был надет новый халат, а на ногах — ватные туфли на толстой подошве. Хотя её одежда была старой, она была плотно укутана и чувствовала себя комфортно. Когда она сказала, что ей не холодно, это была правда, просто шея немного привыкла к шарфу.

— Хватит спорить, смотрите, что я придумала! — Лян Тин, всегда полная идей, сняла оба шарфа и переделала их. Теперь все трое были укутаны шарфами.

Лян Чунь стояла посередине, Лян Сысы и Лян Тин — по бокам. Шарф на шее Лян Чунь был особенно толстым, что выглядело забавно, но зато было тепло.

В доме было всего два шарфа. Старшие жалели младших и не носили их, взрослые говорили, что им и так жарко, а мальчики считали их неудобными. Так что три девочки укутались, и шарфов больше не осталось.

Шарфы были длинными, купленными для пожилых, но для трёх человек они всё равно оказались коротковаты. Чтобы всем было удобно, девочки шли, тесно прижавшись друг к другу. Лян Тин и Лян Сысы оживляли атмосферу, Лян Чунь говорила мало, лишь изредка отвечая, и время от времени раздавался смех.

Лян Чунь стыдилась своих тёмных мыслей. Она боялась говорить слишком много, чтобы не выдать свои чувства и не расстроить их. К счастью, она всегда была молчаливой, и Лян Сысы с Лян Тин ничего не заметили. Хотя внешне всё казалось гармоничным, трещина уже образовалась: одна старалась её скрыть, другая была слишком беспечна.

Когда Лян Цзивэнь и его семья прибыли, фильм уже был готов к показу, оставалось лишь дожидаться зрителей. Лян Цзивэнь всю дорогу держал за руку Чжань Цзюцзяна, в другой руке неся две длинные скамейки, одновременно присматривая за Лян Цзию и тремя девочками. Это было утомительно, но он был полон энергии и не чувствовал особой усталости.

Чжань Цзюцзян хотел помочь Лян Цзивэню вытереть пот, но, пощупав его лоб, не нашёл ни капли влаги.

Как только Лян Цзивэнь поставил скамейки, Лян Цзию сразу же уселся на одну из них, радостно приглашая друзей присоединиться. Только потом он вспомнил о своём старшем брате и повернулся к нему с виноватой улыбкой. Лян Цзивэнь не придавал этому значения, уступив длинную скамейку Лян Цзию, а сам сел на маленькую, похлопав по колену, чтобы Чжань Цзюцзян сел рядом.

Они принесли пять длинных скамеек и одну маленькую, но с более чем десятью людьми, включая двух друзей Лян Цзию, всем пришлось потесниться.

<http://bllate.org/book/16557/1510764>